

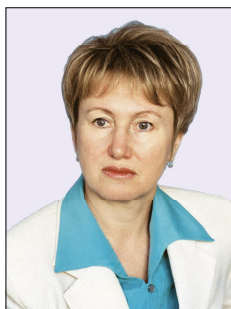
УДК 322

DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-9-55-64

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ:
КЛЕРИКАЛИЗАЦИЯ И СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ**

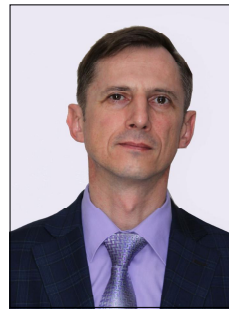
**SOCIO-POLITICAL ACTIVITY OF RELIGIOUS ASSOCIATIONS: CLERICALIZATION AND
SECULARIZATION**

Л. В. Денисова,
Академия управления МВД России,
г. Москва
Madilen@yandex.ru



L. Denisova,
Academy of Management of the
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow

А. А. Морозов,
Омская академия МВД России,
г. Омск
moroz_may@mail.ru



A. Morozov,
Omsk Academy of the Ministry of
Internal Affairs of Russia,
Omsk

Авторы исследуют содержание и результаты общественно-политической активности религиозных объединений в современной России. Обращение к этой теме сохраняет актуальность в силу неоднозначности оценок инициатив и деятельности религиозных сообществ, рассматриваемых в гуманитарных социальных науках. Вполне закономерно в статье рассматривается преимущественно общественно-политическая активность Русской православной церкви Московского патриархата (далее – РПЦ), а также позиции исламских организаций, что оправдано доминирующим положением православия и ислама.

Объект исследования – общественно-политическая активность религиозных объединений в современной России.

Предмет исследования – общественно-политические эффекты деятельности и общественных инициатив религиозных объединений в современных российских условиях.

Цель исследования – выявить характер влияния общественно-политической активности религиозных объединений на политические процессы в современной России.

Задачи исследования:

- определить обоснованность утверждений о клерикализации общественно-политической жизни в современной России;
- выявить тенденции в общественно-политической жизни России, определяемые общественными инициативами и деятельностью религиозных объединений;
- установить значения общественно-политической активности религиозных объединений для общественно-политической жизни современной России.

Методология и методы исследования. Работа проводилась на основе общенаучных принципов объективности и историзма с использованием герменевтического метода, системного и сравнительно-правового анализа, а также формально-логических процедур обобщения, дефинирования и классификации.

Степень научной разработанности темы исследования. Общественно-значимая деятельность религиозных объединений, особенно РПЦ, привлекает внимание широкого круга исследователей. Значение этой активности оценивается в разных контекстах: политическом, социально-экономическом, культурном. Разные авторы приходят к противоречащим друг другу выводам, что и создает необходимость продолжения исследований.

Авторы статьи не только анализируют сложившиеся подходы к рассмотрению общественно-политической активности религиозных объединений, но и обращаются к фактам, создающим эмпирическую основу для собственных выводов. Они устанавливают, что две разнонаправленные тенденции развития общества – клерикализация и секуляризация – в той или иной степени могут одновременно присутствовать в сложных современных общественно-политических процессах. Эти тенденции создают своеобразный вариант отношений религии, государства и политики

Ключевые слова: религиозные объединения; государство; религия; свобода совести; политика; секуляризация; клерикализация; инициативы религиозных сообществ; Русская православная церковь; Россия

The authors investigate the content and results of the socio-political activity of religious associations in modern Russia. The appeal to this topic remains relevant due to the ambiguity of assessments of initiatives and activities of religious communities given in the humanities and social sciences. Quite naturally, the article mainly examines the socio-political activity of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate (hereinafter - the ROC), as well as the positions of Islamic organizations, which is justified by the dominant position of Orthodoxy and Islam.

The object of the study is the socio-political activity of religious associations in modern Russia.

The subject of the study is the socio-political effects of the activities and public initiatives of religious associations in modern Russian conditions.

The purpose of the article is to determine the nature of the influence of socio-political activity of religious associations on political processes in modern Russia.

The objectives of the study are to:

- determine the validity of statements about the clericalization of socio-political life in modern Russia;
- identify the trends in the socio-political life of Russia determined by public initiatives and the activities of religious associations;
- establish the significance of the socio-political activity of religious associations for the socio-political life of modern Russia.

Methodology and methods of research. The work was carried out on the basis of general scientific principles of objectivity, historicism using methods of analysis, synthesis, modeling. Formal logical procedures, methods of systematic and comparative legal analysis were also used.

The degree of scientific development of the research topic. The socially significant activities of religious associations, especially the ROC, attract the attention of a wide range of authors. The significance of this activity is assessed in different contexts: political, socio-economic, cultural. Different authors come to conflicting conclusions, which creates the need to continue research.

The authors of the article not only analyze the existing approaches to the consideration of the socio-political activity of religious associations, but also turn to the facts that create an empirical basis for their own conclusions. They establish that two multidirectional trends in the development of society - clericalization and secularization - to one degree or another can simultaneously be present in complex modern socio-political processes. However, they create a kind of variant of the relations of religion, state and politics

Key words: religious associations; state; religion; freedom of conscience; politics; secularization; clericalization; initiatives of religious communities; Russian Orthodox Church; Russia

Введение. В настоящее время религиозные объединения, будучи носителями определенных вероучительных положений и идей, заявляют о себе в качестве акторов в общественно-политических процессах. В силу сложившегося в России законодательства они лишены права на прямое политическое действие, связанное с борьбой за власть или участием в политических движениях. Однако это не лишает их права на высказывание своих позиций по значимым социальным, культурным, гуманитарным и даже политическим проблемам, волнующим современное российское общество.

Право на свободу совести предполагает не только исповедание веры, но и распространение своих убеждений, право жить в соответствии с ними. Религиозные объединения, реализуя свое право, активно действуют

в современном медиапространстве, расширяя свои представления о деятельности значимых социальных и политических институтов, правовых и моральных нормах, регламентирующих общественную жизнь, инициативах и действиях иных сторон общественно-политической коммуникации. Но этим их активность не ограничивается. Они становятся инициаторами или участниками общественных акций, научных конференций, просветительских проектов. В некоторых вопросах религиозные организации взаимодействуют с органами государственной власти, с государственными учреждениями, образовательными организациями.

В России наиболее активно озвучивают и отстаивают свои позиции РПЦ, а также мусульманские организации, что вполне объяснимо и количеством приверженцев

православия и ислама, и некоторой заинтересованностью государства в сотрудничестве с основными конфессиями, о чем будет сказано далее.

Возросшая общественная активность религиозных сообществ сама по себе становится объектом внимания в публицистическом и научном гуманитарном дискурсе. Причем, выводы, к которым приходят исследователи, оказываются диаметрально противоположными, что требует дальнейшей разработки темы.

Объект исследования – общественно-политическая активность религиозных объединений в современной России.

Предмет исследования – общественно-политические эффекты деятельности и общественных инициатив религиозных объединений в современных российских условиях.

Цель исследования – выявить характер влияния общественно-политической активности религиозных объединений на политические процессы в современной России.

Задачи исследования:

– определить обоснованность утверждений о клерикализации общественно-политической жизни в современной России;

– выявить тенденции в общественно-политической жизни России, определяемые общественными инициативами и деятельностью религиозных объединений;

– установить значения общественно-политической активности религиозных объединений для общественно-политической жизни современной России.

Методология и методы исследования.

Работа проводилась на основе общенаучных принципов объективности и историзма с использованием герменевтического метода, системного и сравнительно-правового анализа, а также формально-логических процедур обобщения, дефинирования и классификации.

Степень научной разработанности темы исследования. Общественно значимая деятельность религиозных объединений, особенно Русской православной церкви Московского патриархата, привлекает внимание широкого круга исследователей. Значение этой активности оценивается в разных контекстах: политическом, социально-экономическом, культурном. Разные авторы приходят к противоречащим друг другу выводам, что

создает необходимость продолжения исследований.

Первая группа исследователей обнаруживает в совокупности эмпирических фактов тенденцию, предрасполагающую к клерикализации российского общества, что, по их мнению, ведет к архаизации общественного устройства. Об этом пишут Ж. Т. Тощенко, В. С. Кржевов, М. М. Ахметшин, Д. А. Гусев, С. Б. Филатов и ряд других ученых. Вторая позиция заключается в том, что религиозные сообщества выступают институтами гражданского общества, которые отстаивают интересы и ценности определенной части российского населения. Она представлена в работах А. И. Кугая [7], О. В. Осипова, Д. В. Аверьянова.

Исследование продолжающихся процессов в реальном времени создает серьезные трудности, связанные с выявлением значимых тенденций общественно-политической жизни. Это, с одной стороны, приводит разных авторов к разным, часто противоречащим друг другу, выводам, с другой, раскрывает новые возможности для продолжения исследований, а также поиску новых методологических подходов, в рамках которых возможно примирение разноречивых данных.

Результаты исследования и их обсуждение. Каждый исторический период имеет характеризующие его тенденции политического, социального, культурного развития. Иногда эти тенденции оказываются столь разнонаправленными, что провоцируют исследователей формулировать внешне противоречивые высказывания. В. Г. Барановский, В. В. Наумкин утверждают: «Невозможно отрицать мощное наступление секуляризма... Но одновременно идет процесс религиозного ренессанса, связанный с характерными для высокотехнологичной эпохи поисками духовности» [2. С. 12]. Как можно интерпретировать это высказывание, оставаясь логически корректным? На глобальном уровне в этих разнонаправленных процессах видят предпосылки формирования двух противостоящих друг другу миров. Однако возможна и другая интерпретация, связанная с существованием человека на личностном уровне. Современные потребительские ценности и поведенческие стереотипы, формируемые массовой глобальной культурой, воспринимаются сознанием как обыденные, лишены

ные личностного смысла, а может быть, какого-либо смысла вообще. Отсюда, запрос на более высокую систему ценностей, способную обеспечить экзистенциальные потребности второго и третьего порядка. И в такой интерпретации на уровне массового сознания противоречие в значительной степени снимается.

Секуляризованная повседневность «среднего человека» оказывается для самого этого человека явно недостаточной, что порождает более глубокие личностные запросы, удовлетворение которых часто (а может быть чаще всего) связывается с традиционными для определенных общностей религиями. В российском варианте ими являются православие и ислам. В свою очередь это создает благоприятную основу для общественно-политической активности Русской православной церкви Московского Патриархата (далее – РПЦ) и духовных управлений мусульман. Эта основа проявляет себя и в четко выраженных позициях активистов, а также в молчаливой, но реально существующей поддержке широкого круга верующих. Время от времени эта молчаливая поддержка сменяется весьма громкими возражениями с положениями, озвучиваемыми церковными иерархами или духовными лидерами, что заставляет последних их несколько корректировать. Последнее особенно заметно во внутрицерковных спорах, возникающих в РПЦ. В некоторых случаях действия и идеи руководства церкви вызывают широкое недовольство простых верующих и приходского духовенства. В частности, большой резонанс вызвала встреча патриарха московского и всея Руси Кирилла с римским понтификом в 2016 г. Это в полной мере нашло отражение в социальных сетях. Только в Facebook на личных страницах появились сотни сообщений, выражавших недовольство действиями патриарха и нашедших поддержку других верующих. Следует отметить, что этот визит редко вспоминают. И это, как мы видим, не случайно.

Таким образом, церковь, выдвигая определенные инициативы и совершая конкретные действия, конечно, стремится заручиться поддержкой максимального числа верующих, чтобы влиять на государство и иные социальные институты. Это стремление обосновывается моральным долгом верующих воплощать божественные заповеди в мире

дольнем. Однако активность церкви затрагивает не только верующих. Особенно это проявляется в тех случаях, когда речь идет о законодательных инициативах и решениях органов государственной власти. При таких условиях в научном гуманитарном контексте формируется тезис о клерикализации российского общества и государства в результате активности религиозных организаций.

Эта позиция сводится к тому, что попытки религиозных сообществ выдвигать и продвигать свои инициативы свидетельствуют о клерикализации политического режима и общественных отношений. Под клерикализацией понимается усиление церковного влияния в общественной жизни. Само стремление церкви оказывать заметное воздействие на политические и культурные процессы оценивается в качестве угрозы. В России эта угроза связывается, прежде всего, с деятельностью РПЦ. Возрастание ее активности оценивается как стремление вернуть себе роль государственной религии. Так В. С. Кржевов среди действий церкви, нарушающих светский характер российского государства, называет полуофициальное проникновение священников РПЦ в армию и силовые структуры, а также настойчивое стремление церковной администрации добиться всеобщего обязательного преподавания православия [6. С. 35]. Но все же главное опасение этого автора состоит в том, что усиление РПЦ приведет к установлению идеократического режима. Говоря о выступлениях патриарха Алексия II, автор заключает: «Контекст многих... выступлений патриарха и ряда других иерархов РПЦ ведет к заключению, что их конечной целью является замена принудительного атеизма на принудительное православие» [6. С. 51]. Конечно, автор не очень убедителен с точки зрения приведенных в статье фактов, однако его пафос вполне понятен.

Много копий сломано при обсуждении вопроса о преподавании знаний о религии в школе. В российском законодательстве провозглашен светский характер образования, что делает недопустимым обучение религии в государственных и муниципальных учебных заведениях. Введение курса «Основы православной культуры» однозначно оценивается частью научной и педагогической общественности как попытка проникновения церкви в школу. Тот же В. С. Кржевов вообще ставит

под сомнение само понятие «православная культура», что, по нашему мнению, является не совсем корректным. Школьники, по его мнению, должны получать основы исключительно научных взглядов об окружающем мире. А воспитание должно основываться на принципах гуманизма и общечеловеческих ценностей. Введение в школьную программу дисциплин религиозного содержания Ж. Т. Тощенко называет миной замедленного действия, которая рано или поздно взорвет гражданскую идентичность и приведет к общественному противостоянию различных мировоззренческих групп [14. С. 15–18]. Таков основной мотив выступлений, направленных против церковных инициатив. Такая позиция сложилась уже к середине 2000-х гг. Но и в настоящее время тезис о клерикализации как свершившемся факте принимают и обосновывают представители гуманитарных наук [3]. В некоторых случаях вопрос о состоявшейся клерикализации является положительно решенным [1].

В то же время тезис о клерикализации не без оснований ставится под сомнение. В. С. Малахов, Д. Э. Летняков, понимая клерикализацию как борьбу церкви за усиление своих позиций в обществе, борьбу, которую церковь ведет в том числе и с государством, утверждают фактическую невозможность реализовать свои клерикальные устремления как со стороны РПЦ, так и со стороны любых иных религиозных сообществ. Эта невозможность существует хотя бы потому, что церковь не является автономным общественно-политическим институтом [8. С. 137]. Кроме того, авторы указывают, что большинство законодательных инициатив РПЦ отклонено органами государственной власти. Проникновение религиозного сегмента в систему государственного образования также, по их мнению, не ведет к клерикализации общественно-политического порядка. Предмет «Основы православной культуры» является для школьников периферийным. Его изучение не оказывает существенного влияния на школьников. Например, в г. Омск на данный момент в большинстве школ из курса ОРКСЕ родители и дети, чаще всего, выбирают «Основы светской этики». Да и функционирование теологических отделений и кафедр в государственных образовательных организациях вовсе не препятствует полноценному обучению студентов по естественно-науч-

ным и гуманитарным специальностям и направлениям подготовки.

По нашему мнению, изучение какой-либо культуры автоматически не ведет к размежеванию общественных настроений. Предпосылок для реализации алармистских ожиданий Ж. Т. Тощенко пока не наблюдается. А ранее озвученное утверждение о разрушении гражданской идентичности в результате изучения конфессионально ориентированных учебных дисциплин представляется логически и эмпирически необоснованным. Изучение разными группами школьников содержательно различающихся дисциплин не является логической предпосылкой обязательного разрушения гражданского мира. Оно просто подтверждает наличие культурного многообразия в современном обществе. К тому же гражданская идентичность возможна как результат обоснования общих ценностей, которые не столько отрицают партикулярные ценности, сколько находят в них собственную основу. Общегражданские ценности при всей их востребованности в плюралистическом обществе не должны приобретать тоталитарный характер, требовать геттоизации любых традиционных культурных форм.

Утверждение о клерикализации российского общества в том числе предполагает, что РПЦ и духовные управления мусульман выступают саттелитами государства, стремящимися навязать свою волю суверену. Однако реальных оснований для таких утверждений нет. Во-первых, формы взаимодействия государства и религиозных организаций могут быть разными: от сотрудничества до противостояния. Первое вовсе не обязательно предполагает субординационные отношения, второе неизбежно не ведет к отрицанию субъектности друг друга. Во-вторых, высокая активность религиозных объединений, последовательное отстаивание определенных ценностных позиций по конкретным вопросам общественной жизни вне зависимости от политической конъюнктуры позволяет начать разговор о проблематике гражданского общества относительно религиозных объединений. Утверждение о клерикализации как результате активности религиозных объединений, конечно, содержит неявное пожелание определенной их изоляции от общественных процессов. Однако, следуя Ю. Хабермасу, можно согласиться, что «помимо своего численного веса рели-

гиозные общины все еще могут претендовать на «места» в жизни обществ, которые в значительной степени секуляризованы» [15]. И для России это утверждение будет вполне справедливо.

О. В. Осипов, Д. В. Аверьянова, отмечая возрастающую значимость отношений между российским государством и религиозными объединениями, пытаются охарактеризовать статус религиозных объединений, особенно РПЦ, в этих отношениях. Главный вопрос ставится о том, является ли религиозное объединение институтом гражданского общества. Авторы выделяют те характеристики, которые делают церковь полноправным членом гражданского общества: гражданственность, солидарность, доверие, «уважение к иному», самореализация, активность, инициативность [10. С. 27]. Эти признаки свидетельствуют о субъектности в межгражданской коммуникации. И было бы странно ставить в вину церкви, что она их проявляет.

Как уже отмечалось ранее, политико-правовой статус религиозных объединений содержит их базовые и факультативные признаки [9. С. 120]. К первым относятся сущностные характеристики, определяемые Федеральным законом от 26.09.1997 № 125 «О свободе совести и религиозных объединениях»: вероисповедание, совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, обучение религии, религиозное воспитание своих последователей. Их наличие позволяет признать объединение религиозным. Сторонники изоляции религии готовы ограничить деятельность религиозных объединений реализацией именно этих признаков в духе советского закона 1929 г. Однако современное российское законодательство дает религиозным организациям возможность осуществлять культурно-просветительскую, образовательную, благотворительную, миссионерскую, предпринимательскую деятельность.

Подобная активность не обязательна, но может быть результатом проявления свободной воли верующих, аккумулированной в позиции религиозного объединения. В таком случае оно превращается в субъект гражданского общества. Еще одной формой активности религиозных объединений выступают усилия для обеспечения свободы совести, пресечения дискриминации по религиозному признаку, противодействие безнрав-

ственным (по религиозным стандартам) или непродуманным (по мнению религиозных сообществ) действиям государственных органов.

В настоящее время религиозные объединения – активные участники общественных дискуссий по самым острым вопросам. И мы беремся утверждать, что *общественно-политическая активность церкви скорее свидетельствует о секуляризационных процессах*. Тезис может выглядеть парадоксально. Но попробуем его аргументировать.

В англоязычной литературе часто обсуждается общественная активность Римской католической церкви. Отмечают стратегию, в соответствии с которой Католическая церковь обращалась со своими нормативными взглядами по различным вопросам к широкой общественности, к «согражданам», а не только к единоверцам. Речь идет о противодействии Ватикана законам, разрешающим аборт, искусственное оплодотворение или однополые браки. При этом отмечается переход религиозных сообществ к светскому дискурсу. Католическая церковь с 70-х гг. прошлого столетия выступает против абортов во имя «права человека на жизнь». Протестуя против сексуального образования, церковные группы апеллируют к международным документам в области прав человека, в которых утверждается приоритет родителей в эмоциональном и сексуальном воспитании своих детей [18. Р. 99]. Религиозные сообщества осознают, что для обращения к гражданскому обществу и государству с конкретными предложениями, которые будут иметь политико-правовые последствия, необходимо секуляризовать собственную систему аргументации. Только общезначимость аргументов может быть предпосылкой изменения социальных и правовых норм. Собственно религиозные аргументы (ссылка на священное Писание, апелляция к святоотеческой традиции и постановлениям церковных соборов и т. д.) применимы только внутри церкви и не могут убедить кого-либо вне ее. Понимание этого присутствует и в Русской православной церкви, как у самого активного религиозного актора в России.

Переход на секулярный тип ведения общественной дискуссии для церкви будет неизбежным, если она стремится укрепить свое влияние и надеется быть услышанной. В современном российском постатеистическом

обществе значительную часть населения составляют те, кого можно считать нерелигиозными людьми. К ним, помимо агностиков и атеистов, можно причислить и внеконфессиональных верующих. Последние, ориентируясь на различные религиозные традиции, тем не менее, дистанцируются от конкретных церковных структур, встречаясь со священником только на собственном отпевании. Обращаться к такой аудитории возможно только в том случае, если вы используете общекультурные, научные и иные подобные аргументы.

Можно признать, что РПЦ вполне следует этим новым правилам, озвучивая свои нормативные инициативы. Причем, это часто распространяется и на внутрицерковные споры.

Значительное внимание в последние годы РПЦ уделяет репродуктивной проблематике, включая вопросы запрета абортов, суррогатного материнства, экстракорпорального оплодотворения. И если в первом и втором случаях позиция РПЦ однозначна (аборт = убийство ребенка, суррогатное материнство недопустимо), то третье явление продолжает вызывать споры внутри церкви. В том числе и поэтому решением Священного Синода от 13 апреля 2021 г. создана Синодальная комиссия по биоэтике – консультативно-аналитический орган, призванный формулировать позицию РПЦ по широкому кругу вопросов современной биоэтики (в том числе биомедицинских технологий), включая подготовку материалов и документов для рассмотрения Синодом и патриархом. Немного ранее разработан проект документа «Этические проблемы, связанные с методом экстракорпорального оплодотворения». В нем допускается ЭКО при исключении методов, ведущих к гибели эмбрионов и их отбор [11]. В связи с появлением этого проекта один из официальных спикеров РПЦ митрополит Иларион заявил о существовании различных точек зрения в церкви на вопрос о допустимости ЭКО. На сайте Межсоборного присутствия было объявлено обсуждение. Среди прочих появилось заявление Общества православных врачей Санкт-Петербурга им. Свт. Луки (Войно-Ясенецкого). Высказанная негативная оценка проекта основана на нерелигиозной научной аргументации (естественно-научной и гуманитарной) с указанием на такие негативные последствия ЭКО

как ущерб здоровью женщины, гибель эмбрионов, возможные генетические ошибки, репродуктивные потери, евгенические элементы [4].

Таким образом, дискурсивная практика РПЦ приобретает в определенной степени секуляризованный характер в силу общественно-политических амбиций. Как отмечают Г. Т. Сардарян, Т. А. Алексеева, «секуляризм представляет собой не какое-то жестко зафиксированное понятие, а дискурс, или язык, легитимирующий политические вопросы и способ их решения, иначе говоря, это своего рода элемент политического авторитета, власти» [12. С. 132]. Можно рассматривать секуляризм, как это делает Э. Хёрд, не в качестве оппозиции религиозности, а как сравнительный тип мировоззрения, опирающегося на религиозные идеи и одновременно конкурирующего с ним, особенно в той части, где речь идет о политико-теоретических вопросах [12. С. 133]. Это создает вполне приемлемый способ формулирования политико-правовых идей, который религиозные объединения используют в своей общественно-политической активности.

Конечно, секуляризация религиозного дискурса имеет свои пределы, но эти пределы могут расширяться или сужаться, исходя из понимания религиозным сообществом конкретной политической ситуации. В некоторых вопросах РПЦ не просто опирается на собственный богословский запас, но высказывает готовность к устранению межрелигиозных границ, апеллируя к позициям других традиционных религий. Сам межрелигиозный диалог во многом выступает проявлением секуляризованного сознания, отказывающегося от фундаменталистских модусов сознания. Готовность к такому диалогу вовсе не означает отказа от абсолютизации собственных взглядов, но означает, во-первых, признание права другого иметь собственные взгляды, во-вторых, отказ от монополии на истину, коль скоро ее носителями могут быть и другие. При этом общей основой коммуникации могут выступать только такие идеи, которые разделяются всеми ее участниками.

Если говорить о позициях ислама по вопросам биоэтики, то мусульманские организации проявляют меньшую активность, которая, если эта активность появляется, направлена, как правило, на мусульман. Мусульманский дискурс менее секуляризован.

Например, в вопросе о допустимости абортов главный аргумент содержится в Коране и состоит в том, что они категорически недопустимы после того, как Бог вдохнул в плод душу [13. С. 23-24]. Внерелигиозные доводы приобретают значение в случае, если Коран не регулирует эти вопросы. Таких вопросов имеется большое количество, поэтому обращение к общенаучной аргументации используется широко.

Есть еще один важный момент современной политической реальности, который серьезно препятствует возможности клерикализации, какие бы усилия не прилагала для этого церковь. В традиционном обществе (до наступления эпохи модерна) власть получала освящение от внешнего источника, в области сакрального. Монарх, помазанный на царство, получал высшую санкцию от церкви. В этом смысле государство и церковь образовывали единство, в рамках которого возможны были разные конфигурации отношений. Современное же государство дистанцируется не только от религиозных организаций, но и от высшей санкции вообще.

Святослав Каспэ, используя образ Панаптикона, превращенного в метафору М. Фуко как интуицию определенной политической формы, обозначает три вариации современной политической формы в зависимости от сопряжения политического и сакрального (опора на «политическую религию», секулярный вариант, основание в «гражданской религии») [5]. Все они исключают клерикализацию в классическом ее варианте, в котором церковь выступает ведущим актором политического процесса. Как пишет С. Каспэ, «панаптикон хорошо иллюстрирует этот процесс десакрализации и ресакрализации политического в государстве – через отсоединение последнего от внеположенного сакрального и дальнейшее приписывание качеств сакрального ему самому как собственных» [5. С. 18]. Это означает для нашей темы то, что государство, вступая во взаимодействие с религиозными организациями, может использовать их идеи, но при этом сохранять их на ощутимом расстоянии от политического. Государство может идти на уступки, принимая отдельные инициативы, идущие от религиозных структур, или создавать определенные преференции, но при этом извлекать собственную выгоду. Его выгода состоит, прежде всего,

в умножении собственной легитимности. В российском варианте декларируемая приверженность традиционным ценностям не может обходиться без поддержки традиционных религий. Несомненно, этот взаимный обмен (в России между государством, с одной стороны, и православием или исламом, с другой) приводит к тому, что религиозные организации приобретают некоторое политическое влияние и могут его конвертировать во вполне ощутимые выгоды в виде материальной поддержки или в сдерживании религиозных конкурентов, или в организационной поддержке своих мероприятий. Например, при проведении ежегодных Рождественских чтений местные епархии РПЦ задействуют ресурсы региональных органов власти, органов местного самоуправления. Проводимые многочисленные мероприятия в школах санкционируются министерствами, департаментами образования. Но даже все это не говорит о клерикализации. Напротив, тематика таких чтений чрезвычайно разнообразна и, как правило, она далека от собственно богословских вопросов. Вся эта активность может быть воспринята как форма «религиозной гражданственности» в условиях мировоззренческого плюрализма [17]. Это не нарушает принципов светского государства, но и необязательно происходит в условиях политического секуляризма, который «как нормативное понятие выражает взаимодействие между четырьмя основополагающими принципами: свобода совести и религии, равное уважение, разделение политической власти и религиозных общин и религиозный нейтралитет государства» [16]. В современном российском варианте говорить о воплощении этих принципов можно только с серьезными оговорками, особенно относительно религиозного нейтралитета государства. Однако это не отменяет тех выводов, к которым мы пришли.

Заключение. Таким образом, общественно-политическая активность религиозных объединений, включая РПЦ и исламские организации, остается в рамках действий институтов гражданского общества. Причем, они не являются единственными институтами, которые получают определенную поддержку государства. Будучи способны оказать некоторое воздействие на органы государственной власти, они ни в коей мере не могут иметь какие-либо серьезные

клерикальные амбиции. Государство четко отслеживает границы политического. Его готовность идти на некоторые уступки религиозным объединениям существует только до

того момента, когда религиозное сообщество выскажет свои клерикальные устремления. Поэтому вряд ли мы должны в перспективе опасаться реального клерикализма.

Список литературы

1. Ахметшин М. М. Клерикализация государственной власти в России: причины и последствия // Вопросы политологии. 2018. № 7. С. 194–201.
2. Барановский В. Г., Наумкин В. В. «Мир веры» и «мир неверия»: экспансия и редукция религиозности // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 8–31.
3. Гусев Д. А., Потатуров В. А. Дискуссия о теологическом образовании в контексте клерикализации современного российского общества // Политика и Общество. 2017. № 4. С. 155–165. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19710 (дата обращения: 05.10.2021). Текст: электронный.
4. Заявление Общества православных врачей Санкт-Петербурга им. Свт. Луки (Войно-Ясенецкого). URL: <https://msobor.ru/comments/52> (дата обращения: 05.10.2021). Текст: электронный.
5. Каспэ С. Свет и власть. Паноптикон как политическая форма и ее вариации // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 1. С. 9–34.
6. Кржевов В. С. Общество, государство и церковь в современной России // Вестник Московского университета. Серия 7. 2007. № 5. С. 27–55.
7. Кугай А. И. Русская православная церковь как институт гражданского общества (философско-методологический аспект) // Власть. 2021. № 3. С. 217–225.
8. Малахов В. С., Летняков Д. Э. Мерцающий секуляризм: религия в российском публичном пространстве // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 135–149.
9. Морозов А. А. Религиозные объединения в гражданском обществе // Право и политика: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 20 ноября 2015 г.). Омск: Омская академия МВД РФ, 2016. С. 118–121.
10. Осипов О. В., Аверьянова Д. В. Православная церковь современной России в системе гражданского общества // Социум и власть. 2019. № 3. С. 15–29.
11. Проект документа «Этические проблемы, связанные с методом Экстракорпорального оплодотворения». URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5768019.html> (дата обращения: 01.10.2021). Текст: электронный.
12. Сардарян Г. Т., Алексеева Т. А. Секуляризация и религиозность в оптике конструктивизма // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 124–138.
13. Табатадзе Г. С., Голицына О. Ю. Ислам, этика и биоэтика // Биоэтика. 2019. № 1. С. 19–24.
14. Тощенко Ж. Т. Мина замедленного действия // Философские науки. 2010. № 8. С. 6–21.
15. Habermas J. A “post-secular” society – what does that mean? (16 September 2008). URL: <https://www.resetdoc.org/story/a-post-secular-society-what-does-that-mean/> (дата обращения: 22.10.2020). Текст: электронный.
16. Maclure J. Political Secularism: A Sketch // Online Working Paper. 2013. No. 16. URL: https://www.academia.edu/10967290/Political_Secularism_A_Sketch (дата обращения: 01.10.2021). Текст: электронный.
17. Parker L., Hoon Ch. Y. Secularity, Religion and the Possibilities for Religious Citizenship // Asian Journal of Social Science. 2013. № 41. P. 150–174.
18. Aurélie Bardou, Maria Birnbaum, Lois Lee, Kristina Stoeckl. Religious pluralism: A Resource Book / Edited by // European University Institute, 2015. URL: https://iris.unito.it/retrieve/handle/2318/1542329/94509/Ebook_Rel_Pluralism2015.pdf (дата обращения: 10.10.2021). Текст: электронный.

References

1. Akhmetshin M. M. *Voprosy politologii* (Questions of political science), 2018, no. 7, pp. 194–201.
2. Baranovsky V. G., Naumkin V. V. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* (Polis. Political Studies), 2018, no. 6, pp. 8–31.
3. Gusev D. A., Potaturov V. A. *Politika i Obschestvo* (Politics and Society), 2017, no. 4, pp. 155–165. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=19710 (date of access: 05.10.2021). Text: electronic.
4. *Zayavleniye Obshchestva pravoslavnykh vrachey Sankt-Peterburga im. Svt. Luki (Voino-Yasenetskogo)* (Statement of the Society of Orthodox Doctors of St. St. Luke (Voino-Yasenetsky)). URL: <https://msobor.ru/comments/52> (date of access: 05.10.2021). Text: electronic.
5. Kaspe S. *Sotsiologicheskoye obozreniye* (Sociological Review), 2020, vol. 19, no. 1, pp. 9–34.

6. Krzhevov V. S. *Vestnik Moskovskogo universiteta* (Bulletin of the Moscow University), Series 7, 2007, no. 5, pp. 27–55.
7. Kugay A. I. *Vlast* (Power), 2021, no. 3, pp. 217–225.
8. Malakhov V. S., Letnyakov D. E. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* (Polis. Political Studies), 2020, no. 1, p. 135–149.
9. Morozov A. A. *Pravo i politika: istoriya i sovremennost: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Law and politics: history and modernity: materials of the international. scientific-practical conf. (Omsk, November 20, 2015)). Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016. pp. 118–121.
10. Osipov O. V., Averiyanova D. V. *Sotsium i vlast* (Society and power), 2019, no. 3, pp. 15–29.
11. Projekt dokumenta «Eticheskiye problemy, svyazannye s metodom Ekstrakorporalnogo oplodotvoreniya» (Draft document “Ethical issues associated with the method of In Vitro Fertilization”). Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5768019.html> (date of access: 01.10.2021). Text: electronic.
12. Sardaryan G. T., Alekseyeva T. A. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* (Polis. Political Studies), 2020, no. 4, p. 124–138.
13. Tabatadze G. S., Golitsyna O. Yu. *Bioetika* (Bioethics), 2019, no. 1, p. 19–24.
14. Toschenko Zh. T. *Filosofskiy nauki* (Philosophical sciences), 2010, no. 8, pp. 6–21.
15. Habermas J. A “post-secular” society – what does that mean? (A “post-secular” society – what does that mean?) (16 September 2008). Available at: <https://www.resetdoc.org/story/a-post-secular-society-what-does-that-mean/> (date of access: 22.10.2020). Text: electronic.
16. Maclure J. *Online Working Paper* (Online Working Paper), 2013, No. 16. Available at: https://www.academia.edu/10967290/Political_Secularism_A_Sketch (date of access: 01.10.2021). Text: electronic.
17. Parker L., Hoon Ch. Y. *Asian Journal of Social Science* (Asian Journal of Social Science), 2013, № 41, pp. 150–174.
18. Aurélie Bardon, Maria Birnbaum, Lois Lee, Kristina Stoeckl. European University Institute, 2015. Available at: https://iris.unito.it/retrieve/handle/2318/1542329/94509/Ebook_Rel_Pluralism2015.pdf (date of access: 10.10.2021). Text: electronic.

Информация об авторе

Денисова Любовь Владиленовна, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления, Академия управления МВД России, г. Москва, Россия. Область научных интересов: религиоведение, государственно-конфессиональные отношения, изучение религиозной ситуации, психология религии, теория познания
lvdilena@yandex.ru

Морозов Андрей Анатольевич, канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии, Омская академия МВД России, г. Омск, Россия. Область научных интересов: философская антропология, государственно-конфессиональные отношения, свобода совести, религиоведение, философия религии, социология религии
moroz_may@mail.ru

Information about the author

Lubov Denisova, doctor of philosophical sciences, professor, professor of Theory and Methodology of Public Management department, Academy of Management Interior Ministry of Russia Moscow, Russia. Scientific interests: religious studies, Church-state relations, the study of the religious situation, psychology of religion, theory of knowledge

Andrey Morozov, candidate of historical sciences, associate professor, associate professor, Philosophy and Political Science department, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia. Scientific interests: philosophical anthropology, state-confessional relations, freedom of conscience, religious studies, philosophy of religion, sociology of religion

Для цитирования

Денисова Л. В., Морозов А. А. Общественно-политическая активность религиозных объединений: клерикализация и секуляризация // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. Т. 27, № 9. С. 55–64. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-9-55-64.

Denisova L., Morozov A. Socio-political activity of religious associations: clericalization and secularization // Transbaikal State University Journal, 2021, vol. 27, no. 9, pp. 55–64. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-9-55-64.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2021 г.
Статья принята к публикации: 12.11.2021 г.